

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В СИБИРИ НА ИСХОДЕ НЭПа

Взаимоотношения бизнеса и власти являются одной из ключевых проблем современной цивилизации, важной характеристикой ее стабильности и развития. История этих взаимоотношений в России и ее регионах в XX в. полна резких перемен, многие из которых пагубно отражались на развитии государства. Пожалуй, наиболее драматичные эпизоды связаны с масштабными государственными кампаниями ликвидации частного капитала в 1917 и в конце 1920-х гг., обусловленными реализацией на практике основополагающих постулатов большевистской доктрины.

Рассмотрим позиции и действия государственной власти и частного капитала в условиях свертывания новой экономической политики конца 1920-х гг. на материалах Сибири. Изучение этого вопроса, учитывая актуальность проблемы в целом, представляет особый интерес и в силу того, что при всей существующей обширной и разноплановой историографии НЭПа¹, тема взаимоотношений государственной власти и частного капитала в указанных временных и территориальных рамках исследована недостаточно.

К середине 1920-х гг. задачи восстановления экономики, ради которых большевистская власть в ограниченных размерах и на определенных условиях допустила возрождение частного капитализма, в целом были решены. С помощью частных предпринимателей была установлена «смычка» между городом и деревней, восстановлена мелкая промышленность и торговая сеть, рынок насыщен товарами широкого потребления. Сопровождало эти процессы складывание нового социального слоя представителей частного капитала, в руках которых сосредоточились полученные в результате предпринимательской деятельности накопления и которые никоим образом не вписывались в представления большевистского руководства о социалистическом обществе. Реконструкция народного хозяйства, о начале которой

было объявлено в 1926 г., принимаемые в дальнейшем решения, направленные на модернизацию экономики административными средствами, означали переход государства от политики сотрудничества с частным капиталом к политике его вытеснения. На фоне продолжавшихся дискуссий о способах и темпах этого вытеснения в обстановке хлебозаготовительного кризиса конца 1927 г. был осуществлен переход к радикальным мерам по отношению к частному капиталу.

Составляющими политики форсированного вытеснения частного капитала стали усиление налогового пресса, включая введение налога на сверхприбыль и увеличение других налоговых выплат, в результате которых налоги превратились из экономических в чисто административные меры, поскольку они прямо вели вместе с повышением арендной платы, прекращением кредитования, регламентацией государством розничных цен в частной торговле и другими мерами к массовому разорению частных предпринимателей.

Всей совокупностью государственных мер в отношении частного капитала к концу 1927 г. предприниматели были поставлены в положение «лишней» социальной группы в обществе. Презрительно именуемые «спекулянтами», владельцы частных предприятий были лишены возможности получения кредитов и многих видов товаров, их договоры с государственными и кооперативными организациями произвольно нарушались последними, железнодорожные тарифы, квартирная плата для них устанавливались на порядок выше, чем для представителей других социальных групп населения, их налоговые выплаты зачастую превышали 70% получаемого дохода.

Поводом к началу кампании по открытой ликвидации частного капитала в Сибири, как и по всей стране, стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 г., вызванная ими известная поездка партийной делегации во главе с И.В. Сталиным в Новосибирск зимой 1928 г., во время которой так называемым тройкам, наделенным специальными полномочиями, было предписано в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статье 107 УК за спекуляцию продуктами сельского хозяйства². При этом поводом к аресту, конфискации товаров и всего имущества частного предпринимателя могли служить скупка им

хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, сокрытие хлеба и последующий выпуск его на рынок и другие аналогичные действия. Поводом к аресту зачастую мог служить лишь сам факт владения крупным недвижимым имуществом или наличие в магазине большого количества товара. Предусмотренные 107 статьей Уголовного кодекса меры наказания сводились к лишению свободы сроком до одного года и конфискации всего или части имущества.

Оперативные сводки ОГПУ, сохранившиеся в фонде управления краевого прокурора государственного архива Новосибирской области, свидетельствуют, что только за вторую половину января 1928 г., или, как говорилось в документах, «с начала проведения кампании», по 107 статье в Сибири были арестованы 396 частных предпринимателей³. Среди них — владельцы кожевенных заводов, мельниц, торговцы хлебом, мануфактурой, чаем, мясом. Их имущество было конфисковано, имеющиеся денежные накопления изъяты, магазины, лавки, мастерские закрыты. Сообщения об арестах частных предпринимателей и конфискации их имущества не сходили со страниц «Советской Сибири» в течение всего года⁴.

Способы перекачки средств из частнокапиталистического хозяйства в государственный сектор были официально санкционированы и циркуляром наркомата юстиции и Верховного суда РСФСР от 20 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с сокрытием доходов»⁵, применение которого на практике также приводило к обыскам, арестам частных предпринимателей и их семей, конфискации имущества и прочим репрессиям. После объявления в газетах о недоимках по налогам в частном секторе по СССР в размере от 150 до 200 млн р. к «пристальному» выявлению доходов частных предпринимателей и сбору недоимок подключилась общественность. Первыми организовали бригады по проверке взимания недоимок с «частника» рабочие московского электрозавода. По примеру москвичей в Сибири под руководством местных партийных органов также создавались «тройки» из «наиболее выдержанных и проверенных товарищей», которые должны были в короткие сроки, как правило, в течение недели, обследовать на вверенном участке всех недоимщиков и лиц, на которых падало подозрение в том, что они скрыли свои доходы. Эти

«ударные бригады» путем тщательного обыска на квартирах выясняли, не прячет ли недоимщик своих ценностей и денег, нет ли у него скрытого имущества и т.д. Предварительно члены «тройки», узнав в налоговом участке фамилии и адреса недоимщиков, наводили о них справки у соседей, а затем выписывали ордера на обыск квартир. Причем так называемая подготовительная работа велась в обстановке глубокой конспирации с тем, чтобы обеспечить максимум внезапности в «проведении операций» (как, правило, ночных обысков)⁶. Широкое привлечение рабочих к подобной деятельности объяснялось не столько нехваткой работников налоговых служб, отсутствием специальной налоговой полиции, слабой подготовкой по экономическим вопросам местной милиции, сколько созданием на государственном уровне общей атмосферы нетерпимости к тем, кто сумел создать капитал и жил лучше других, а также подозрениями в лояльности фининспекторов, покрывавших высокие доходы частных предпринимателей.

С целью обеспечения реализации полностью соответствовавшей «задачам момента» линии в сборе налогов местными исполкомами и органами РКИ были проведены массовые «чистки» финансовых организаций. Их главной задачей было «немедленное удаление работников налогового аппарата, замеченных в пьянстве с торговцами и заподозренных в получении от последних взяток»⁷. В результате таких «чисток», осуществляемых также с широким привлечением рабочих, получили широкую огласку «красноярское дело», «связь с частником» фининспекторов в Томске, в некоторых налоговых участках Барнаула и Новосибирска⁸.

Подобные чистки проводились и в государственных хозяйственных организациях. Только в сибирских филиалах Госбанка за «связь с чуждым элементом» были уволены 87 человек — бухгалтеры, счетоводы, кассиры и даже сторож⁹. Поиски «сращивания с частником» с особой ожесточенностью проводились в партийных организациях. Членов партии, заподозренных в «порочных связях», тут же исключали из рядов коммунистов и увольняли с работы.

Иллюстрацией накала борьбы «за чистоту рядов» может служить ставшее предметом общественного разбирательства «дело партийца Евдокимова». Работавший в томском госторге Евдокимов дал распоряжение по записке «прошу подателю сего

отпустить папирос для буфета» продать за наличный расчет папирсы. Впоследствии выяснилось, что приобрел эти папирсы владелец частного буфета. Евдокимов пришел в ужас от того, что, как он сам писал в объяснительной записке, «попал в ловушку, выразившуюся в сближении с частником и обогащении частного сектора при продаже папирос»¹⁰. Несмотря на то, что папирсы не относились к остро дефицитным товарам, этот случай местной партиячейкой был признан как «сползание с классовой линии партии», а Евдокимов снят с работы.

Более трагично сложились судьбы председателя Иркутского губисполкома Лосевича, председателя «Лес-Треста» Фельдгуна, заведующего городским коммунальным хозяйством Киселева, заведующего городской телефонной станцией Кузикова и других, проходивших по «иркутскому делу» осенью-зимой 1926/27 г. Среди прочих им были предъявлены обвинения в предпочтении интересов частных лиц в личных целях при заключении с ними договоров. Шесть человек были приговорены к расстрелу. Параллельно с судебным процессом осуществлялась «чистка» горкомхоза, стройтреста, телефонной станции и иркутской конторы сиблестреста, направленная против «нэпмановско-контрреволюционной нечисти, облепившей партийно-советский аппарат». По результатам «чистки», охватившей 292 человек, 72 были уволены¹¹.

Идеологическим обоснованием репрессивной кампании по отношению к «новым» предпринимателям стала теория обострения классовой борьбы по мере дальнейшего строительства социализма, сформулированная И.В. Сталиным и имевшая достаточно широкую поддержку в обществе. Об этом свидетельствовали, в частности, многочисленные письма рядовых граждан, направленные в конце 20-х гг. в газеты, партийные и государственные учреждения, проникнутые чувством злобы и открытой ненависти к разбогатевшим соседям. «Говорили, что при социализме все будут равны, а на деле как раньше, так и теперь, одни живут хорошо, другие плохо», — отмечал один из авторов. В наказе депутатам местного совета рабочие со всей определенностью констатировали, что «в настоящее время враждебные классы приходят в столкновение с пролетариатом». «Новых» предпринимателей они ставили в один ряд со своими заклятыми врагами. «Вырос кулак, окреп нэпман, отрыгнул недорезанный буржуй, точит саблю не-

дорасстрелянный белогвардеец», — возмущались они¹². Во многих посланиях содержались требования к власти поскорее расправиться с «этой тварью» — «проклятыми буржуями».

Действия в отношении коммерсантов стали распространяться со сферы непосредственной предпринимательской деятельности на бытовой уровень, затрагивать семьи представителей новой буржуазии. Так, в старейшем в Сибири Томском университете после проверки социального состава студенчества более 100 человек были лишены права голоса и исключены из вуза из-за своей принадлежности к семьям частных промышленников и торговцев¹³. Аналогичные проверки с теми же последствиями были проведены в 1929 г. и в других учебных заведениях Сибири.

Для того, чтобы не допустить «чуждый» элемент к службе в Красной Армии, в ходе осеннего 1929 г. призыва молодежи при городских советах были созданы специальные комиссии, куда входили представители местных советов, окружных военкоматов, административных отделов, уголовного розыска, ОГПУ, райкомов ВКП(б), прокуратуры и финансовых отделов. Только в Новосибирском округе, пользуясь терминологией итоговой сводки работы комиссии, «было отсеяно 1080 человек социально-чуждого элемента», что составляло 10,4% к общему числу призывников округа¹⁴. Главными причинами «отсеивания» являлось социальное происхождение призывников.

По решению первого Краевого Сибирского съезда жилищной кооперации «нетрудовой элемент» подлежал в короткий срок полному выселению из кооперативных домов. Та же участь ожидала предпринимателей, проживавших на государственных квартирах. В их отношении предполагалось действовать под девизом: «Ни одного метра жилой площади в муниципализированных домах — нетрудовому элементу»¹⁵. Вопреки установившейся на рынке цене, например, за квартиру площадью 60 м² 25 р. в месяц, сам домовладелец, занимавший в точности такую же квартиру, должен был платить за нее 200 р. в месяц¹⁶. Соответственно этой стоимости начислялись и налоги, без того имевшие ярко выраженную «классовую» ориентацию.

Чувства злобы и ненависти по отношению к зажиточным гражданам искусственно насаждались властью и старшими членами семьи и в детской среде. «Теперь на своих сверстников из более

зажиточных семей, с которыми еще недавно дружили и играли, — вспоминал А.П. Марков, детские годы которого прошли в Сибири, — мы стали смотреть с подозрением и недоверием, считая, что они несправедливо завладели чем-то таким, что по праву должно принадлежать нам»¹⁷. Дети «лишенцев», становясь своеобразными заложниками превалировавших в обществе настроений, зачастую сожалели, что им «достались» такие родители. «Я сам бы не желал быть сыном торговца, — написал в сочинении десятилетний мальчик, — гораздо лучше быть сыном очень бедного крестьянина. Я сколько раз говорил отцу, чтобы он бросил свою мелочную торговлю, лучше заниматься крестьянством. Теперь отца у меня нет, его уже несколько дней как увезли неизвестно куда»¹⁸.

Деятельность правоохранительных органов по отношению к частным предпринимателям приобретала все более наступательный характер, а применяемые к ним меры становились все более суровыми и насильственными. Рядовые хозяйственные правонарушения, совершаемые предпринимателями, квалифицировались как преступления с целью свержения советского государственного строя. Широкое распространение получили ночные обыски с последующими арестами. Только в ночь с 4 на 5 января 1930 г. в Новосибирске было проведено 196 таких обысков с последующей конфискацией имущества и наложением арестов на денежные вклады в обществе взаимного кредита (ОВК)¹⁹. Частный бизнес как таковой ассоциировался с вредительством и злостной спекуляцией, в отношении которых могла применяться высшая мера наказания. Заниматься частнопредпринимательской деятельностью становилось, таким образом, опасно для жизни.

Энергичные меры, направленные на ликвидацию частного капитала, не могли не сказаться на стремительном свертывании частной промышленности и торговли. Число частных торговых предприятий в Сибири в течение 1926/27–1928/29 гг. сократилось по сравнению с 1925/26 г. на 71,7%. Обороты частной торговли уменьшились за этот период на 60,8%. Более чем в 2 раза упала доля частного капитала в торгово-посредническом обороте. В 1930 г. удельный вес частного капитала в розничном товарообороте составил менее 5%. Причем подавляющее большинство оставшихся действовать частных торговых предприятий нельзя было в полной мере отнести к капиталистическому сектору, поскольку

это были мелкие и мельчайшие торговые точки, в которых, как правило, работал только сам хозяин и его родственники. Так, оставшиеся на территории Томского округа к 1930 г. 540 частных торговых предприятий обслуживали всего 610 чел.²⁰ Председатель Сибирского крайисполкома С.М. Кузнецов, выступая в мае 1929 г. с докладом о пятилетнем плане развития народного хозяйства, с удовлетворением констатировал, что «город у нас перестал быть пунктом, который бы воспроизводил капиталистические элементы»²¹. К 1930 г. в городах Сибири не осталось ни одного частного ценового предприятия или крупного магазина.

«Атака» на частный капитал удалась в полной мере. Напор и ожесточение, с которыми она проводилась, не шли в сравнение даже с кампанией «экспроприации экспроприаторов» первых месяцев советской власти. Как выразился один из так называемых административно-ссылных бывший предприниматель Вассель, «в 1918 г. забирали только деньги, а теперь забирают и тебя, и деньги»²².

Представители частного капитала высказывали самые разные соображения о причинах столь жесткой позиции государственной власти по отношению к частному бизнесу. Большинство, адекватно оценивая обстановку, понимало, что всякая деятельность, основанная на частной собственности и осуществляемая ради личного обогащения, попросту несовместима с идеалами общества, строившего социализм. Другие считали, что это очередная кампания, имевшая временный характер. Они связывали причины «похода» против частного капитала с «нажимом» оппозиции, в условиях которого «партия должна была показать рабочим массам, что она осталась революционной»²³. Были и суждения о том, что коммунисты готовят запасы перед наступающей войной, «спешат нахватать перед своим предстоящим падением, за что их надо перетравить стрихнином в молоке»²⁴. Парадоксально, но факт, что даже в условиях массовой паники среди частных предпринимателей находились люди, питавшие иллюзии в том, что государство рано или поздно «одумается» и вернется к идеям сотрудничества с частным капиталом. «У нас всегда “пересаливают”, — замечал один из административно-ссылных из Москвы в Новосибирский округ бывший крупный торговец. — Начнут кампанию и рубят сплеча, не оглядываясь, а потом уже начина-

ют разбираться. Этим объясняется то, что сейчас ГПУ накрывает всех, кто попадет под руку, хотя подчас разрушая то или иное полезное производство — не восстанавливая его, дают умирать. Этот “перегиб палки” в результате заставит их остановиться, но принесет много вреда»²⁵. Некоторые частные предприниматели так самозабвенно верили в мудрость политиков, что жадно ловили даже слухи о возможных изменениях государственной тактики по отношению к ним, разрабатывали специальные программы совместных действий государства и «красных купцов» по возобновлению и налаживанию сотрудничества. Так, замечания председателя Иркутского окрисполкома Кучмина, сделанного в беседе с председателем местного ОВК Ермановичем в марте 1928 г., о том, что в настоящее время возможно некоторое расширение частной торговли и промышленности, возможна сдача в аренду частникам некоторых крупных фабрик, стало достаточным для разработки целой фундаментальной программы, содержащей условия, при которой местные предприниматели могли бы расширить свою работу как в торговле, так и в промышленности. Вести о «новом нэпе» моментально разлетелись по всему округу, и многие торговцы, еще в 1927 г. полностью взявшие свои вклады в местном ОВК, немедленно их возвратили. Кроме этого появилось много новых вкладчиков. Всего за несколько дней, прошедших после разговора Кучмина с Ермановичем, вклады Иркутского ОВК выросли на 90 тыс. р.²⁶

Часть предпринимателей наивно полагала, что, пользуясь удаленностью от центра, местные власти чинят произвол в отношении частного капитала, что противоречит государственной политике. Так, торговцы новосибирского рынка под руководством председателя местного рыночного комитета Северюхина отправили в Москву своего представителя с жалобой на неправильные действия местных финансовых органов²⁷. Естественно, что надежды на защиту Москвы не оправдались, а новосибирский «ходок» домой так и не вернулся.

Предчувствуя нарастание конфискационных мер государства по изъятию сделанных ими накоплений, многие предприниматели любыми путями стремились сохранить свои сбережения. Поскольку государственное ограничение сфер предпринимательской деятельности (запрет заготовок, торговли дефицитными товарами,

расторжение арендных договоров в отношении прибыльных предприятий) совпадало с усилением налогового прессы практически на все виды частнохозяйственной деятельности (включая производственную сферу), «новой» буржуазии не оставалось ничего другого, как, с одной стороны, надеяться на изменение государственной политики по отношению к ней, а с другой — пытаться сохранить имевшиеся накопления, скрыв их от пристального внимания налоговых органов, соседей и репрессивных организаций.

Одним из проверенных и традиционных во все времена и во всех странах способов сохранения капиталов в условиях нарастания политических и экономических кризисных явлений становилось превращение имевшихся накопленных средств в золото и драгоценности. На смену мелким дельцам, барахольщикам, служащим, мелким торговцам, комиссионерам, промышленявшим в начале и середине 1920-х гг. валютными операциями на так называемой Черной бирже, пришли средние и крупные торговцы, маскировавшие скупку валюты и золота своей обычной коммерческой деятельностью. Активно вели нелегальную скупку золота владельцы крупных ювелирных магазинов в Омске Черепажин и Мерина, владелец часовой мастерской в Бийске Михайлов, другие предприниматели. Особым спросом пользовалась у такого рода клиентов Черной биржи золотая валюта царского чекана и золото-сырец. Цена на золотую десятирублевку на этом нелегальном рынке составляла от 12 до 18 р., 1 дол. США — 2 р. 50 к. Золото 56-й пробы скупалось по цене 3 р. 50 к. за 1 грамм, что на 65 к. было больше банковской²⁸. Охота за «твердыми ценностями» подогревалась и опасениями в падении курса советского червонца, который в связи с ожидаемой инфляцией, по словам торговцев, должен был сравняться в скором будущем со стоимостью газеты.

Поскольку растущий спрос на золото значительно превышал предложение, широкое распространение получили поездки желающих приобрести драгоценный металл непосредственно на золотые прииски. Так, торговец из Канска Москвитли, отправив в восточном направлении партии своих товаров, лично выехал за получением денег. На обратном пути на Алданских золотых приисках он обменял всю выручку на золото. Бывший заместитель председателя правления Красноярского ОВК Р. Синец и сын бывшего председателя правления этого же ОВК Кокин, по-

лучив ссуду в банке в размере 50 тыс. р., обменяли эти деньги на золото у арендатора расположенных в Южно-Енисейском районе золотых приисков²⁹. Лишь небольшая часть дельцов Черной биржи с большими трудностями была обнаружена и поймана с поличным местными отделами ГПУ.

Кампания по изъятию золота у подобных дельцов была широко известна в 1920–30-е гг. под неофициальным названием «золотуха». С помощью соседей и специальных осведомителей местные отделы ГПУ составляли списки лиц, подозреваемых в хранении золота. Обыски у таких граждан, как вспоминал один из работников финансовых органов 20-х гг. А.С. Наринский, проводились «скрупулезно и настойчиво: взламывались полы, разбирались перегородки и отдельные части предметов мебели, демонтировались люстры, предметы сантехники и другие подозрительные вещи³⁰». Если золота обнаружить не удавалось, подозреваемого помещали в тюрьму и создавали такие условия содержания под стражей, что дилемма «золото или смерть» становилась весьма реальной. Только самые стойкие или действительно не имевшие золота не сдавались. Через некоторое время их выпускали, но зачастую дни их были уже сочтены.

Действия власти привели к фактически полному свертыванию легальной предпринимательской деятельности, ее уничтожению или переходу частного капитала на нелегальное положение. Для выяснения сфер приложения частного капитала после прекращения его легальной деятельности управлением государственными доходами наркомата финансов СССР было проведено специальное обследование 29 крупных экономических центров СССР. Из городов Сибири в проводимое обследование были включены города и городские поселения Омского округа, выделявшиеся из других поселений Сибири широкомасштабной в прошлом деятельностью частного капитала. Анализ обследования владельцев закрывшихся частнокапиталистических предприятий по Омскому округу за 1927/28 и 1928/29 гг., проведенный финансовым отделом Омского исполкома, показал, что имелись и совершенно прекратившие всякую предпринимательскую деятельность бывшие представители частного капитала, и «проедавшие» остатки своих средств, и незначительный процент рискнувших открыто продолжить занятия частным бизнесом, но значительная часть

коммерсантов сумели сохранить свои капиталы после ликвидации предприятий и перешли на нелегальное положение. Как показало обследование, владельцы 321 из 595 закрывшихся частных предприятий скрылись в неизвестном направлении, и разыскать их не удалось. 55 владельцев ликвидированных предприятий занялись нелегальной коммерческой деятельностью, что удалось с полной определенностью установить путем проведенного членами комиссии тщательного осмотра квартир и кладовых³¹. В большинстве своем изменившие место жительства предприниматели тоже продолжили свой бизнес, но уже в скрытой форме. Таким образом, более половины владельцев закончивших свое легальное существование предприятий занялись подпольной коммерцией. Нелегальная деятельность частного капитала была распространена и в других городах Сибири.

Политика ликвидации капиталистических элементов вызвала стремление у частных предпринимателей надежно спрятать свои капиталы или поместить их в скрытые от государства предприятия. В конце 1920-х гг. появился даже специальный термин, свидетельствовавший о широком распространении этого явления, — «уход частного капитала». Один из сосланных в 1927 г. в Сибирь в результате «чистки» Москвы от «нэпманов» открыто говорил: «Те, кто имеет капиталы — прячут их, остаются на виду мелкие сошки, колоссальные капиталы уходят из оборота страны, а при случае потекут на операции, уходящие из наблюдения финансовых органов, то есть пойдут по линии тайной спекуляции»³². Среди основных путей такого «ухода» капиталов — нелегальное подчинение предпринимателями кустарной промышленности, разного рода кооперативов, инвалидных артелей, нелегальная эмиграция части средств за границу, «тихое прибежище» в отечественных сберегательных кассах и т.д.³³

Итак, осуществляемое форсированными темпами вытеснение частного капитала из экономики привело к концу 1920-х гг. к практически полному прекращению его легальной деятельности. Определенная часть принадлежавших частным предпринимателям средств была изъята у них путем прямой конфискации или в результате предъявления судебных исков за недоимки по налоговым выплатам, наложения разнообразных штрафов и тому подобных мер. Общая сумма изъятых таким образом средств

трудно поддается определению, поскольку специального учета и обобщения статистических данных не велось, а конфискуемые денежные средства и имущество поступали в распоряжение местных исполкомов, оседали в их фондах, распределялись среди неимущих или направлялись в центр. В целом же, надежды руководства страны существенно пополнить фонд индустриализации за счет изъятых у частных предпринимателей средств не оправдались. В то же время ликвидация частного капитала позволила большевикам решить другие, с их точки зрения более значимые задачи — реализовать на практике социально востребованные идеи уравнительности, успешно и в короткие сроки, используя административные методы, провести индустриализацию.

Уничтожение частного предпринимательства в конце 1920-х гг. придало безальтернативность дальнейшему развитию страны, задавало специфические параметры всей государственной системе, неэффективность которой в настоящее время исторически доказана. Мировой опыт свидетельствует о необходимости сосуществования и взаимодействия бизнеса и власти, которые являются необходимыми атрибутами развития современной цивилизации.

Примечания

¹ Ball A. *Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929*. Berkeley–Los Angeles–London, 1987; Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп. Размышления экономиста // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 10; *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Indiana, 1991; Нэп: приобретения и потери. М., 1994; Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998; Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; Нэп в контексте исторического развития России XX в. М., 2001; Россия нэповская. М., 2002; и др.

² ГАНО, ф.р-20, оп. 2, д. 176, л. 9, 89.

³ Там же, л. 3–8, 14, 28, 64.

⁴ Советская Сибирь. 1928. 26, 31 янв., 2 февр., 17 мая; и др.

⁵ Законы о частном капитале: сб. законов, постановлений, инструкций и разъяснений. М., 1929. С. 310.

⁶ ЦХАФАК, ф. п-4, оп. 3, д. 23, л. 3–3об.

⁷ ГАНО, ф.р-6, оп. 2, д. 1566, л. 7.

⁸ Советская Сибирь. 1930. 9 янв.

⁹ ГАНО, ф.р-725, оп. 2, д. 35, л. 52–52об.

¹⁰ ГАНО, ф. п-19, оп. 1, д. 791, л. 105.

¹¹ Павлова И.В. «Иркутское дело». 1926 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. №1. С. 43–48.

¹² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 233, 277.

¹³ Советская Сибирь. 1929. 23 февр.

¹⁴ Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск, 1997. С. 96–97.

¹⁵ Советская Сибирь. 1930. 24 янв.

¹⁶ ГАНО, ф. р-6, оп. 1, д. 2194, л. 63об.

¹⁷ Марков А.П. Как это было (воспоминания сибиряка). М., 1995. С. 72.

¹⁸ Обыденный нэп (Сочинения и письма школьников 20-х годов) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993. С. 319.

¹⁹ ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 869, л. 1–2.

²⁰ ГАТО, ф. р-17, оп. 1, д. 1134, л. 119об.; ф. р-393, оп. 1, д. 213, л. 5; ГАОО, ф. р-394, оп. 1, д. 456, л. 1.

²¹ Кузнецов С.М. О пятилетнем плане // Сибирские огни. 1925. № 5. С. 138.

²² ГАНО, ф. р-1228, оп. 3, д. 9, л. 129.

²³ Там же.

²⁴ ГАТО, ф. п-19, оп. 1, д. 731, л. 64.

²⁵ ГАНО, ф. р-1228, оп. 3, д. 9, л. 129.

²⁶ Там же, ф. р-6, оп. 1, д. 2194, л. 42об.–43.

²⁷ Там же, ф. р-1228, оп. 3, д. 9, л. 154.

²⁸ Там же, ф. р-725, оп. 1, д. 39, л. 30–32.

²⁹ Там же, л. 34–35.

³⁰ Наринский А.С. Страницы истории и судьбы людей. (Воспоминания очевидца). СПб., 1996. С. 32–33.

³¹ Сегаль И. Пути ухода частного капитала // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. №7/8. С. 91–92; ГАОО, ф. р-1337, оп. 1, д. 451, л. 1–3.

³² ГАНО, ф. р-1228, оп. 3, д. 9, л. 129.

³³ РГАЭ, ф. 7733, оп. 7, д. 360, л. 40; Илимский Д. Пути советского накопления // Большевик. 1928. № 2. С. 59; Рязов Н. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930. С. 23.